

Этнография детства у калмыков: традиционные способы ухода за ребенком на первом году жизни

Появление ребенка – это один из важнейших моментов в жизни семьи и социума его родителей. Физическое и умственное развитие ребенка в период детства и дальнейшая жизнь зависят от заботы близких в первые месяцы и годы жизни. В сложных условиях кочевого быта у калмыков уход за ребенком на первом году жизни был особенно важен, поскольку подчас решался вопрос о самом существовании ребенка. Это способствовало как возникновению обычаев и обрядов детского цикла, так и комплекса различных способов повседневного ухода за ребенком.

Отдельные аспекты данной тематики у калмыков нашли отражение в работах таких исследователей быта калмыков в XIX – начале XX вв., как Б. Бергман [1], И. В. Бентковский [2], И. А. Житецкий [3], П. И. Небольсин [4], Н. А. Нефедьев [5], П. Смирнов [6] и др. Этнографические материалы по детскому циклу, в том числе по уходу за детьми на первом году жизни, встречаются в работах У. Д. Душана [7], У. Э. Эрдниева [8], Д. Д. Шалхакова [9], В. П. Дарбаковой [10], П. Э. Алексеевой [11]. Ценными источниками по этнографии детства у калмыков являются работы Е. Э. Хабуновой [12], Э. У. Омакаевой [13, 14], С. З. Ользеевой [15]. С тем же необходимо отметить, что этнография детства у калмыков все еще малоисследованна.

Уход за маленьким ребенком сводился, в первую очередь, к кормлению, выполнению различных гигиенических процедур, лечению и охране его здоровья на физическом и сакральном уровнях.

Одним из основных условий успешного развития ребенка у калмыков считалось его правильное кормление, по традиции основанное на молочном и мясном рационе. До появления у матери молока (примерно на второй-третий день после родов) первой пищей новорожденного был кусочек курдючного сала, «обточенного в таком виде, чтобы ребенку легко было сосать» [4, с. 85], причем салом прикармливали постоянно, пока мать его

кормила своей грудью. Такое кормление часто приводило к желудочно-кишечным расстройствам и большой смертности новорожденных [7, с. 18–19]. Особого режима при кормлении не соблюдали, но все же матери старались не приучать ребенка к частому кормлению, чтобы он не мешал ей выполнять домашнюю работу.

Излишками своего грудного молока, если в этом была необходимость, калмычки кормили новорожденных или малолетних детей из других семей. При отсутствии или недостатке молока у матери ребенка кормили молоком из специального рожка, сделанного из коровьего рога. Соской служил высушенный и дополнительно обработанный сосок коровьего или овечьего вымени, который часто хранился в соляном растворе для сохранения его мягкости. По данным И. А. Житецкого, в XIX в. в дополнение к грудному вскармливанию калмыки кормили ребенка «*бозо*, разбалтывая его молоком или же просто водой» [3, с. 27].

У калмыков во время кормления грудью было принято прикрывать лицо или голову ребенка либо ладонью, либо отрезом ткани. Считалось, что таким образом можно было уберечь ребенка от «сглаза», следствием которого могли быть заболевание ребенка или исчезновение молока. По свидетельству П. Смирнова в традиционном быту открыто кормить грудью позволялось только женщине, родившей близнецов [6, с. 76–77].

Примерно с трехмесячного возраста малыша начинали прикармливать твердым куском жира с прослойкой мяса *һадр өөкн*, из которого он должен был высосать все питательные вещества *шим*, также ребенку давали вареный бараний хвост. По свидетельству Б. Бергмана, одним из продуктов питания детей был *көөрүг*, представлявший собой смесь парного молока с гущей *бозо*, полученной после перегонки молочной водки [1, с. 118].

Грудное кормление заканчивалось, когда «ребенку минет год» [4, с. 91], но очень часто кормили «до двух и трех лет» [5, с. 190] или пока не родится следующий ребенок. При этом считалось, что отнимать от груди лучше ранней весной или осенью, так как летом, ввиду климатических условий и однообразия пищи, можно было нанести большой вред здоровью ребенка.

Купали детей редко. Для купания использовали корыто, отмеченное в записях И. А. Житецкого как «тебиш ашлу» [3, с. 26]. В воду для купания добавляли немного соли или отвара чая, что должно было препятствовать возникновению потницы и различных высыпаний. После купания тело ребенка смазывали жиром или маслом [14, с. 245]. Во время купания по телу ребенка проводили поглаживающие движения руками, «словно лепили», что, по убеждению калмыков, должно было способствовать формированию крепкого и сложенного тела ребенка. К гигиеническим про-

цедурам по уходу за кожей ребенка относилось каждодневное умывание его материнским молоком.

Относительно одежды ребенка в возрасте до года сведений в этнографической литературе мало. После родов новорожденного заворачивали в пеленки, сделанные из ношенных нижних частей внутреннего платья матери или бабушки и рубашки отца. Младенческую рубашку *барна* шили из светлой ткани, без ворота и без завязок. Распашонку с воротом надевали на ребенка по достижении им месячного возраста, что было связано с представлениями о витальности и нахождении ребенка в промежуточном периоде после родов, поэтому исполнялся ритуал по «очищению» распашонки через окуривание благовониями и троекратное встряхивание. Если дети в семье часто погибали в младенческом возрасте, то на ребенка надевали одежду, взятую в многодетной семье, где все дети были здоровы [14, с. 246].

Ребенок находился в колыбели до тех пор, пока не начинал ходить. По данным исследователей быта калмыков в XIX веке, после родов ребенка помещали в «лубок» – дощечку вогнутой формы, примерно 50–60 см длины [11, с. 118], «или из лубьев составленный ящик» [5, с. 190], на котором было три шнурка (ниже плеч, на поясе, у щиколоток), поэтому «малюток пеленают довольно крепко, привязывая к доске» [3, с. 27]. К сожалению, более точное описание «лубка» в литературных источниках отсутствует. У. Э. Эрдниев высказал предположение, что это «кора (лубок) липы или другого дерева» [8, с. 203]. Вероятно, ребенка недолго держали в «лубке», так как, по свидетельству П. И. Небольсина, «в тот самый день, когда ребенку дают в первый раз груди... его из лубка, в котором его первое время нянчили, перелагают в зыбку «юлге»» [4, с. 89]. «Лубок» обтягивали тканью в теплое время года и овчиной – в холодное время. В этот промежуток времени ребенок не имел еще имени, и его называли «*некэн идэн*» от названия используемой невыделанной овчины *некэ* [12, с. 29].

Изготовленную колыбель *өлгэ* вносил в жилище отец ребенка и, помещая ее на почетное место головной частью на север (ставить колыбель поперек входа запрещено), подвешивал в изголовье семейной кровати «... на унинах ... на постромках из холстинной тесьмы с левого бока» [8, с. 204]. Перед тем как впервые положить ребенка в колыбель, ее окуривали благовониями [14, с. 246]. Колыбель в последующем использовалась в данной семье и могла быть передана только от родителей сыну.

По форме калмыцкая колыбель представляла собой ящик, в котором две деревянные рамки скреплялись между собой распорками. В дощечке, вставленной в ногах, делали круглое отверстие, в которое вставляли मोчеотводную трубку *цорго*. Она состояла из двух частей: нижней дощечки

тавг с желобками по краям и верхней, слегка выпуклой и полой внутри. Внутренний край *цорго* представлял собой раструб, а внешний зауженный выводился из колыбели. К нему дополнительно могли прикрепить тонкий желоб для стока мочи. Верхняя часть нижней дощечки представляла собой четырехугольник, который выстилали мягким конским волосом из гривы жеребят и заменяли по мере необходимости. У нижнего основания рамки были длиннее, что позволяло поставить колыбель почти в вертикальном положении [4, с. 89–91; 8, с. 203–204]. Как описывал П. Небольсин, «ребенка без всякой одежды кладут в зыбку таким образом, чтоб он, опираясь головкой в миниатюрную подушку, лежал на тюфячке только спинкой, и сейчас же под ним начинается дощечка с конскими волосами, а затем и желоб коробки» [4, с. 90]. По мнению большинства исследователей, именно такая конструкция мочеотводной трубки способствовала искусственной деформации детских ног.

Калмычки часто кормили ребенка практически в вертикальном положении. П. Смирнов в своих записках о быте калмыков отмечал: «Расплакавшегося ребенка мать обыкновенно берет на руки вместе с коробкою и, не развязывая оной, дает ему грудь, чем и успокаивает малютку» [6, с. 77]. Это помогало лучшему усвоению пищи и давало возможность оставить ребенка в любом месте. Во время перекочевки мать могла взять ребенка с собой в седло, пристегнуть к себе спереди поясом, закрыв его полой верхней одежды [11, с. 119] или перевозить при перекочевках в корзине, навьюченной на верблюда [4, с. 90]. По мере подрастания ребенка на полуобруч в изголовье колыбели подвешивали различные предметы в виде игрушек, например, тонкие бараньи кости.

Забываясь о гигиене ребенка, калмыки дополнительно подкладывали под него гигроскопическую подстилку из золы, завернутой в старое белье. Хорошим средством была присыпка, которую изготавливали из ковыля и полыни, их сушили, раскатывали скалкой, а потом поджаривали [16]. В случае появления опрелостей пользовались присыпкой, изготовленной из пылицы грибов *тенгрин ки* (букв. «дыхание неба»), измельченных чаинок, оставшихся после распиливания чайного брикета, или из перепревшего конского навоза, который пережигали и растирали.

Спящего в колыбели ребенка старались оградить от внешнего воздействия, так как считалось, что во сне он общается со своим духом-покровителем *Заячи*, поэтому смех и улыбку ребенка во сне объясняли их совместной игрой. В качестве оберегов от нечистых сил калмыки подвешивали к колыбели различные предметы, например, клык крота, буддийский талисман *бу*, кнут отца и т. д., а на время отсутствия малыша в колыбель клали острые предметы (нож, ножницы и даже топор).

Когда ребенок начинал ползать и пытаться ходить, мать, выполняя домашнюю работу, вынуждена была носить его с собой. Она сажала ребенка к себе на свое левое бедро, рукой поддерживая его снизу, а он держался за нее руками. Для облегчения ношения ребенка калмычки также использовали широкую тряпичную подвязку *далыч*, которую завязывали свободно по спине через плечо. Если мать отлучалась ненадолго, то могла привязать ребенка к *зел* (волосяной веревке для привязывания молодняка скота) или колу, забитому в полу жилища так, чтобы ребенок мог «ползать на привязи по такому пространству, чтобы нельзя было попасть в огонь или золу» [5, с. 190].

По представлениям калмыков, дети с младенчества могли подвергаться воздействию злых духов, сглазу и вредоносной магии недружелюбно настроенных людей. Чтобы избежать этого, запрещалось выносить ребенка на улицу с наступлением сумерек, переносить через дорогу, оставлять на ночь детские вещи вне жилища. В семьях, где дети часто умирали в младенчестве, практиковалась длительная изоляция очередного новорожденного – «... вот почему в кибитку семейного калмыка не всегда возможно войти, и если только дверная кошма опущена, то необходимо предварительно испросить позволения на вход...» [3, с. 27]. Также считалось, что негативно воздействовать на ребенка можно было через ногти и волосы ребенка, которые находятся в симпатической связи с ним. Поэтому мать тщательно собирала вычесанные и выпавшие волосы ребенка, а также отгрызала ему ногти, избегая тем самым контакта ребенка с ножницами как острым предметом. Ногти закапывали под порог, придавливая землю правой пяткой и произнося заговор [17, с. 173]. Охранительную функцию выполняли носимые ребенком различные амулеты и обереги [18, с. 259–262]. По сообщению У. Д. Душана, по достижении детьми годовалого возраста калмыки «... пришивают к вороту когти хищных птиц, делают *бу* из шкурки хорька, амулет из запястных костей зайца...» [7, с. 48]. Другой исследователь, У. Э. Эрдниев, отмечал частую практику прикрепления «к воротнику детской одежды (особенно шубы) трубчатых костей зайца: считалось, что этот амулет защитит ребенка от дурного глаза», что, по его мнению, указывало на бытование у калмыков в прошлом промысловых культов [8, с. 366].

Если дети заболевали, использовались различные способы лечения. Одни из них были целесообразны с точки зрения народной медицины, другие носили суеверно-магический характер. Так, костным жиром большой берцовой кости лечили воспаление среднего уха у детей [8, с. 366], при гнойных выделениях делали аппликации из творожной массы. Золотуху и отит лечили прикладыванием к уху сырого сердца, взятого у животного сразу после забоя. При сильном кашле отпаивали суслиным жиром, мо-

локом с козьим жиром или отваром травы *шаһан будг* («гусиные лапки»). Ожоги смазывали сметаной или топленным внутренним жиром животных. При повышении температуры давали отвар овса или длительно кипяченую воду *ширгамр*. Укус собаки лечили пеплом собачьей шерсти. Конъюнктивит, считалось, поддавался лечению закапыванием молока кормящей матери в больной глаз ребенка.

Большое значение при лечении детей придавалось магическим способам исцеления. Например, корь калмыки называли *торһн кишлг* или *улан кишлг* (букв. «шелковая рубашка» или «красная рубашка»), поэтому чтобы вылечить ребенка от кори, ему надевали одежду красного цвета. Для лечения лишая использовали золотое кольцо, очерчивая им «границы» лишая, чтобы остановить «расползание». Медной монетой придавливали грыжу и туго обматывали, полагая «вдавить» ее обратно. Ячмень, считалось, можно вылечить троекратным приложением больного глаза к противоположному колену с произнесением обязательного заговора. Считалось, что некоторые заболевания можно излечить только заговором *домһлһн* с использованием магических атрибутов. Например, вокруг опухоли очерчивали круг либо когтем черной птицы, либо «ногтем медведя», «когтем дракона», «ногтем черта», «рожками змеи», «клыком крота», «стрелами дракона». От испуга детей избавляли троекратным выливанием в воду расплавленного свинца: по тому, какая фигура сложится при застывании его, определяли то, что испугало ребенка. Чтобы снять «сглаз», мать обтирала лицо ребенка своим подолом или сжигала 7–9 лучин, бросая их в чашку с соленой водой. По количеству утонувших лучинок судили о силе «сглаза», а воду выливали на перекрестке двух дорог.

Таким образом, традиционные способы уход за ребенком, его лечения и охраны здоровья были направлены на становление ребенка полноценным и здоровым членом семьи и социума его родителей. В их основе были народный опыт в условиях кочевого быта и традиционное мировоззрение. Рациональные способы обеспечения нормального физического развития ребенка дополнялись различными иррациональными способами для достижения наилучшего результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергман Б. Воспитание детей у калмыков // Теегин герл. 1991. № 3. С. 118–119.
2. Бентковский И. В. Женщина – калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальных отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 3. С. 95–119.

3. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
4. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. 190 с.
5. Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. 286 с.
6. Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
7. Душан У. Д. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста, 1976. Вып. 1. С. 5–89.
8. Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.
9. Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Ист.-этнограф. исслед. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
10. Дарбакова В. П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 31–35.
11. Алексеева П. Э. Женщина-мать и ее роль в калмыцкой семье // Altaica VI: Сб. ст. и мат-лов. М., 2002. С. 101–108.
12. Хабунова Е. Э. Очаг (обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 206 с.
13. Омакаева Э. У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // Altaica. М., 1998. Вып. 2. С. 101–106.
14. Омакаева Э. У. Родильная обрядность у калмыков // Калмыки (раздел в томе серии «Народы и культуры») / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнолог. и антрополог. им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Калм. ин-т гуманитар. исслед. РАН. М., 2010. С. 229–249.
15. Ользеева С. З. Калмыцкие обычаи и традиции. Элиста, 2003. 256 с.
16. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 335. Л. 7
17. Эрендженев К. Золотой родник: о калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 125 с.
18. Шараева Т. И. Обереги в детском цикле у калмыков // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4/3 (64/3). С. 259–262.